

Кэролин Стил Агоста (1958 -)

Обычная виолончель

Джек наблюдал, как Валери собиралась в дорогу. Достаточно большой, увесистый чемодан с вещами. Аккуратно сложенная одежда и виолончель. Пустые места она заполняла скрученными носками и тонкими трусиками, гриф и заднюю часть инструмента накрыла блузками и свитерами. «Позволь мне проводить тебя», попросил он. «Нет, я слишком сильно нервничаю». Она снова стала напевать, не размыкая губ, Баха, прелюдию к сюите №1. Невнятно, порывисто, плавно и низко, она снова и снова пробовала различные ее варианты в течение всего прошлого месяца.

«Все будет хорошо», сказал он. «В любом случае». asset

«Разумеется. А остальные студенты запросто могут прозвать меня бабулей». Хмурясь, Валери всунула экипировку для прослушивания в вещевой мешок. Темно-синий шелк. Чертовски сдержанный, пока она не обхватит ногами виолончель, и скрытые разрезы раскроют ее стройные голени, изящный силуэт ее ног. «Кроме того», добавила она, «я хочу, чтобы Хопалонг сидел спереди, напротив меня». Девушка погладила виолончель, ненадолго коснувшись ее изгибов. Распахнутый футляр виолончели лежал поперек кровати, красная бархатная подкладка ярко контрастировала с белым покрывалом. Сама виолончель пылала насыщенным цветом темного дерева. Уже год, как Джек делит кров с этим существом, ожившим инструментом, и с Валери, с его теплом, светом и жизнью. «Я нужен тебе», промолвил он, сжав кулаки в карманах брюк. «По крайней мере, чтобы помогать с багажом. Делать кофе. Как персональный почитатель».

Валери оставила свое занятие, чтобы забраться к Джеку на колени. Оседлав его, она обхватила руками его шею. «Я вернусь, ты же знаешь. Еще до того, как ты успеешь соскучиться».

«Я уже скучаю. Кроме того, они примут тебя и тогда ты останешься там». Валери затрясла головой, но Джек удержал её. «Да, они сделают это. Ты же так усердно занималась. Не беспокойся зря. Они не могут тебя не взять».

Она поцеловала его. Его губы, щеки. Его закрытые веки. «Ты милый», сказала она, «но Бога ради, повзрослей».

Они встретились в музыкальном магазине. Валери оценивала достоинства электронной виолончели Ямаха Трэвэл. «Весит меньше десяти фунтов», заверил ее продавец, «даже с футляром. И Вы можете взять ее куда угодно». Он установил ее и подключил. Инструмент без деревянного корпуса состоял из грифа и головы, а раскладные части по бокам сохраняли баланс между бедрами виолончели и ее грудной частью. (, and)

«Похоже на (...) богомола», пошутил Джек. Отбросив отговорку, что он не подслушивал, он надеялся преодолеть (bridge) пропасть между классикой и роком, между виолончелисткой и барабанщиком, между инь и янь.

Валери улыбнулась и, садясь, провела смычком по струнам, исполняя несколько нот Верди. «Приятный жужжащий звук,- сказала она. «Мне нравится. Хороший верхний обертон. Но это не для меня».

«Может, Вам все же стоит взять ее», настаивал Джек. «Если туда и обратно Вы должны отправляться на занятия автобусом, это лучший вариант. С ней будет проще».

«Нет, я так не думаю. Проще не всегда значит лучше». Она подбросила ключи в воздух и снова поймала их. Ее волосы, собранные в конский хвост, были продеты через заднюю сторону бейсболки, где виднелась надпись «Бах мой приятель». Джек закрыл глаза и представил, как скрутит е (...) хвост в своей руке и развернет ее лицо к себе для поцелуя.

Он снова открыл глаза, надеясь увидеть ее ответную улыбку, как если бы она прочитала его мысли. «Некоторые вещи не должны быть простыми», поддразнила она, подх (...) достаточно близко, чтобы он смог почувствовать запах ее духов. «Некоторые вещи должны стать реальными».

(Jack) Они провели вместе ряд вечеров, сходили на концерт, и, наконец, оказались в постели. Прежде, чем они занялись любовью в первый раз, она провела руками по своему телу и на мгновение остановилась, чтобы поласкать себя. Пиццикато, прошептала она, и облизала пальцы. Она жадно всасывала (...) свои соки, прежде чем дать ему вкусить себя. *Tense*

Джек проснулся посреди ночи. Кровать со стороны Валери была холодной. Он слышал шум воды в душе. Валери еще не легла спать. Футляр виолончели лежал открытый на ковре, вещи явно перекалывались-блузка поменялась местами с кашемировым шарфом, голубые кружевные трусики были обернуты вокруг смычка. Это ее счастливые трусики, она всегда так говорила. Валери верила в удачу. В интуицию, в случайности, в предчувствия. Она даже помыла машину накануне отъезда «на всякий случай». «На какой такой случай?», намеренно спросил Джек, и она ухмыльнулась.

«А что, если до прослушивания директор увидит меня выходящей из машины? Может, он скажет: «Какая чистая машина! Я хочу видеть эту девушку в своей группе!» Улыбка исчезла, она напряглась. *lexical*

«Я должна попытаться. Хоть шансы и невелики».

«У тебя все получится», повторил Джек.

«Может и нет. Может, мы с Хопалонгом доиграемся так, что скатимся на дно, ну, я о преподавании. Это будет провалом». Интонация была спокойной, но когда она отвернулась, Джек увидел слезы.

От прослушивания зависело все. По крайней мере, так думала Валери. Он точно знал это. У нее не было других планов, замены, запасных вариантов. Ему стало плохо, желудок скрутился. Если Валери примут, она переедет в Бостон. Конечно, он сможет поехать с ней. Для хорошего барабанщика всегда найдется работа. Но в Бостоне, в этой атмосфере изобилия, она отдастся от него. Это станет противостоянием классики и современности, Баха и рока. Она станет еще серьезнее, еще больше посветит себя искусству. Он предвидел это (...). Если она получит место, то покинет его навсегда.

Все из-за виолончели, этой проклятой деревянной ... между ее ног! Инструмент даже не был классическим или антикварным, это обычная виолончель из каталога. На большее она не могла рассчитывать. Он вспомнил их первую ночь, когда она сводила его с ума прикосновениями, лаская до дрожи, пока он не достигал крещендо. А после, пока он лежал здесь, на остывающих простынях, Валери удалилась в гостиную. Он нашел ее там, обнаженную, играющую Вивальди в лунном свете. С этого момента его судьба была решена.

Синее кружево привлекло внимание Джека, и он высвободил его от смычка. Он держал его у лица, впитывая ее запах всем своим нутром. Он все еще слышал шум воды в ванной и голос Валери, напевающей первые ноты Сарабанде (....). Немедля, он убрал с виолончели всю одежду. Достал инструмент из футляра, поставил меж рук. Немного усилий, (...) и дерево треснет. Никто не узнает. Она вытащит виолончель, чтобы разогреться перед выступлением, и услышит легкий вздох. Это воздух вышел из легких инструмента. Ее уверенность в себе исчезнет. Это будет видно в ее глазах, как у Саши Коэн перед длительным выступлением на Олимпийских играх. Предчувствие неизбежного провала. Валери вернется домой после прослушивания, в отчаянии, но он поможет ей смириться. Он сможет любить ее так, чтобы она смирилась.

В одной руке у Джека ее трусики. Они были на Валери в день, когда они встретились- вот почему она считает их счастливыми. «Кто бы мог подумать», - сказала она ему, - «что мы сможем найти друг друга в таком огромном мире? Это было предreshено». Теперь Джек держит в руках ее голубое кружево и ее виолончель. Один момент, одно движение, одно решение, одна доля секунды, чтобы навсегда изменить его жизнь.

«Ох!»

Валери остановилась в распахнутых дверях ванной комнаты, завернутая в полотенце. Она стояла совершенно неподвижно, понимая, что произошло. Он еще не успел ничего совершить, но в этот самый момент совершенной ясности, чувства неизбежности и абсолютного несчастья Джек видел, что Валери знает это. И он знал. Все кончено.

В целом довольно хорошо. Есть очень удачно переведенные трудные места. Вместе с тем, есть ошибки и неточности. Иногда непонимание целого описания.